

Рецензия на статью С.А. Борчикова
«Шекспир и Соловьев: эгоургия и софиургия нового человека»

С самого начала статья С.А. Борчикова вызывает вопросы и недоумения, которые так и не получают разрешения и удовлетворения к концу работы. Утверждая, что Соловьев и Шекспир — две уникальные личности, автор заявляет, что при всем различии «их подвигов гениальности между ними не может не быть чего-то общего» (с. 1). Это утверждение верно, но оно может быть применено к любым гениальным художникам и мыслителям, поэтому не имеет никакого конкретного содержания. Точно так же автор мог бы говорить о Соловьеве и Гете, Соловьёве и Гейне и т. п.

Впечатление о весьма слабой обоснованности соединения Соловьёва именно с Шекспиром, а не с кем-то другим из великих поэтов и писателей, только усиливается, когда С.А. Борчиков утверждает, что основу для этого сравнения он находит в использовании двумя великими людьми триады «красота, добро, истина». Здесь можно задать автору вопрос: а кто из великих художников не использовал эту триаду? Разве что «проклятые поэты», типа Бодлера и Рембо; но совершенно очевидно, что вместо Шекспира в сравнение с Соловьёвым по этому критерию можно подставить десятки имен, и с ни чуть не меньшим основанием.

Видимо, понимая натянутость сравнения Соловьёва и Шекспира, автор статьи пытается подкрепить его, утверждая, что оба мыслителя были сторонниками платонизма и представляли реальный мир в качестве набора «теней» по отношению к идеям, составляющим истинное бытие за пределами нашей реальности. По отношению к Соловьёву это утверждение не вызывает сомнения, однако приписывая его Шекспиру, С.А. Борчиков резко искажает мировоззрение и творчество великого драматурга и поэта. У Шекспира очень сильно ощущение различия между идеалом и реальностью, однако это не означает его приверженности платонизму, ведь платонизм — это полагание *онтологической* вторичности земной реальности по отношению к запредельному миру идей. Такое представление, характерное для Соловьёва, вело его к практике художественного символизма, отрицающей значимость земной реальности. Но ничего подобного нет у Шекспира, эстетика Шекспира имеет совершенно иной характер; Шекспир целиком укоренен в земной действительности и ценит только ее; при этом идеал для него — это вовсе не онтологическая реальность, как у Платона, а именно *идеал*, весь смысл которого в том, что он может и должен быть воплощен в земной реальности и не имеет смысла вне этого воплощения. В качестве подтверждения этого (достаточно очевидного) понимания мировоззрения Шекспира можно вспомнить очень глубокую и точную интерпретацию творчества Шекспира Львом Шестовым (в книге «Шекспир и его критик Брандес»). Для Шестова Шекспир — это художник, который впервые во всей глубине осознал *реальность конкретного человеческого бытия, не сводимого ни к какой идеальной действительности*. Это означает, что мировоззрение Шекспира есть *противоположность* платонизму, и приписывая последний английскому художнику, автор статьи совершает очень серьезную ошибку.

Все сказанное показывает, что сравнение Соловьёва и Шекспира в статье С.А. Борчикова определено исключительно субъективным произволом автора и не имеет под собой никакого реального основания. Соответственно и результаты такого сравнения представляются имеющими весьма малое объективное значение.

Во второй части статьи, имеющей название «Метафизически-ургийные общности», автор почти забывает о Шекспире и выстраивает еще более произвольные и субъективные рассуждения, касающиеся соотношения Бога, Софии и Я. Всю эту вторую часть можно назвать «парафилозофией», в самом негативном смысле этого термина. Автор выстраивает произвольные конструкции так, словно он ~~ничего~~ ничего не знает о тысячелетней философской практике использования терминов Бог, Я, трансцендентное, имманентное и т.п. Никаких собственных определений этим ключевым терминам он не дает, поэтому понять его рассуждения в большинстве случаев не представляется возможным. Особенно разительно отсутствие ясного определения понятия Софии. Ведь, как известно, у Соловьёва, на которого

равняется С.А. Борчиков, София в разных работах понимается совершенно по-разному (А.Ф. Лосев насчитал 10 очень разных вариантов понимания Софии). В одних случаях София — это соборное, идеальное человечество, в других — идеальный мир, прообраз всей реальности (подобный миру идей Платона). С.А. Борчиков полностью игнорирует проблему определения сути понятия Софии, и это делает его рассуждения совершенно непонятными и произвольными. Можно только подивиться смелости мыслителя, который в 2-3 элементарных (и малопонятных) схемах пытается дать «протокод всего мироздания» (с. 6).

С точки зрения здравых критериев философской строгости, которыми философия обладает не в меньшей степени, чем наука, все рассуждения автора статьи в этой части представляются субъективными и произвольными, очень далекими от того, что требуется в объективном философском исследовании.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что статья С.А. Борчикова не имеет существенного научного значения и не может быть рекомендована для публикации в журнале «Соловьевские исследования».

Доктор философских наук,
профессор

И.И. Евлампиев

*Мною подпись Евлампиева И.И.
закреплено.*

*Документ подготовлен вне
рамки служебных трудовых
обязанностей.*

*Копия документа размещена
в открытом доступе на
сайте СВЭУ по адресу:*

www.sveu.ru/science/expert.html

*документ размещен по адресу
"СВЭУ" Интернет*

04.10.16